

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.130.105>

**«ТРАНСЦЕНДЕРЫ»: АКСИОЛОГИЯ КОНВЕРГЕНТНОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ ДЛЯ
ПОДРОСТКОВ**

Научная статья

Свитенко Н.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-9590-5483;

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (svitenko[at]list.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию ценностно-смысловых интенций конвергентного сознания, художественно репрезентированного в отечественной современной прозе для подростков. В работе формулируются аксиологические ориентиры конвергентного сознания в контексте научных поисков синергичной антропологии С. Хоружего, базирующейся на парадигмах размыкания горизонта бытия человека к «личному бытию-общению», и гуманистической трансперсональной психологии позднего А. Маслоу, разрабатывающего теорию трансцендирующей личности. Специфика диалогического ментального типа анализируется в русле методологических поисков современной художественной аксиологии. Аксиологический подход обеспечивает аналитическое описание типа модуса ментальности инвариантной группы персонажей, художественно репрезентированных в избранных текстах В. Крапивина, М. Петросян, Э. Веркина.

Ключевые слова: конвергентное сознание, диалогическое сознание, «ты»-сознание, трансцендеры, художественная аксиология, проза для подростков.

**"TRANSCENDERS": THE AXIOLOGY OF CONVERGENT CONSCIOUSNESS IN MODERN YOUNG ADULT
PROSE**

Research article

Svitenko N.V.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-9590-5483;

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

* Corresponding author (svitenko[at]list.ru)

Abstract

The article is dedicated to the study of value and semantic intentions of convergent consciousness, fictionally represented in the domestic modern young adult prose. The work formulates axiological guidelines of convergent consciousness in the context of scientific searches of synergetic anthropology of S. Khoruzhiy, based on paradigms of breaking the horizon of human existence to "personal being-communication", and humanistic transpersonal psychology of late A. Maslow, developing the theory of transcending personality. The specifics of dialogic mental type is analysed in terms of methodological research of modern artistic axiology. The axiological approach provides an analytical description of the mentality modus type of invariant group of characters, fictionally represented in the selected texts of V. Krapivin, M. Petrosyan, E. Verkin.

Keywords: convergent consciousness, dialogic consciousness, "you"-consciousness, transcendents, artistic axiology, young adult prose.

Введение

Модусы ментальности связаны с экзистенциальным вектором человека. В. И. Тюпа отмечает, что «развитому сознанию современного человека в принципе присущи все перечисленные векторы духа» [7, С. 19-20]. Конвергентное сознание ориентировано на интуитивное постижение, в пространственно-временной перспективе развернуто в будущее и «реализует и абсолютизирует коммуникативную природу человеческого духа» [7, С.19-20]. В контексте психологических исследований А. Маслоу, обладатели конвергентного сознания коррелируют с «трансцендирующим, самоактуализирующимся» [5, С. 319-320] типом людей, именуемых учеными «трансцендерами», которые «<...> гораздо чаще оказываются знакомы с реальностью Бытия, с жизнью на уровне Бытия; иначе говоря, с конечными целями, с внутренними ценностями. Они имеют либо имели в прошлом пиковые переживания (мистические, сакральные, экстатические), сопровождавшиеся озарениями или инсайтами, изменившими их взгляд на мир и на себя» [5, С. 314]. Научные поиски С. Хоружего, связанные с изучением социально-антропологических аспектов соборности и духовной конституции «онтологического» человека, позволяют говорить об «антропологических энергоформах», характеризующих обладателей конвергентного сознания, восходящего к «личному бытию-общению», которое, в свою очередь представляет собой онтологическое тождество «персоналогических концептов: личное общение <...> и любовь, выступающая как онтологический принцип» [12, С. 30-31].

Цель исследования – выявление семиозиса и ценностных ориентиров конвергентного сознания, позволяющих охарактеризовать мотивацию поведения и поступков героев современной отечественной прозы для подростков.

Материалом исследования послужили романы «Рыжее знамя упрямота» В. Крапивина (2004) «Дом, в котором...» М. Петросян (2009), повести «Облачный полк» Э. Веркина (2012), в которых художественно убедительно репрезентированы герои, обладающие диалогическим сознанием.

Методы и принципы исследования

Инструментарий сравнительно-типологического и структурно-генетического методов исследования позволяет определить доминантные особенности конвергентного сознания, а методика аксиологического анализа – сделать выводы о способах художественной манифестации ценностной парадигмы персонажей, обладающих диалогическим сознанием.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, в которых рассматриваются генезис и семантика конвергентного сознания в философии (Хоружий [12], Бурханов, Никули-на [1]); в психологии (Маслоу [5]); специфика конвергентного сознания в литературоведении (Гаспарян [2]; Тюпа [8], [9], [10]); аксиологическая методология в литературоведении (Миннуллин [6], Филатов [11]).

Основные результаты

Ценности конвергентного сознания базируются на верхнем уровне индивидуального сознания и определяют деятельность духовного «я». Основная ценность конвергентного сознания – ощущение Присутствия, постоянный контакт с Другим, разомкнутое эго при сохранении личностного ядра, то есть его принципиальная диалогичность. Для носителей конвергентного сознания планы (эскизы) Провидения проступают во всем – от рисунка судьбы человека до рисунка судьбы Родины: они совпадают, вложенные друг в друга по принципу матрешки.

Отношение к плотной, материальной ипостаси мира определяется осознанным восприятием живого во всем наличном бытии: для конвергентного сознания характерно видение божественного начала в природе, понимание ценности предметов как хранителей вложенного в них труда человека, ощущение незримого присутствия людей во всем вещном мире. Открытие Вселенной, осознание движения времени, объяснение сути математики через осознание масштабов Вселенной («Весенние перевертыши» В. Тендрякова). Любовь к миру, искренняя детская влюбленность во все живое, видение спрятанной души в каждой вещи, непроявленной спящей сущности в каждом предмете (в отличие от роевого сознания видение в природе не стихии, но индивидуальной души).

В ментальном плане для конвергентного сознания характерна доминанта понимания, мыслеформа не «я чувствую, что мироздание осмыслено/Бог есть/подключен к ноосфере», а я «знаю» все это. Латинское «convergo» – «сближаю», коррелирует с толстовским «сопрягать надо». Отсюда в сюжете интеллектуальные поиски единства мира во всех сферах бытия, с которыми герой соприкасается в сюжете. В синергичной антропологии и гуманистической трансперсональной психологии трансцендирование мыслится как «событие в изменении энергии, бытие-действие, представляющее собой претворение множества всех энергий человека в иной способ бытия» [12, С. 28].

Роман В. Крапивина «Рыжее знамя упрямота» начинается с того, что один из главных героев находит громадное колесо, вращая которое на оси, ребята ощущают себя, как часть какого-то механизма, перестраивающего все вокруг: «И еще будто возникают бесконечные струны и начинают дрожать от неравномерности верчения. Там небольшой сбой на оси, чуть заметный эксцентрик» [4, С. 219]. В сюжете романа эта мальчишеская игра неожиданно рифмуется с научными поисками физика профессора Медведева – открытием чистой энергии: «Разговор теперь не был случайным. Он стал главным. Наметилось понимание, будто две струны зазвучали в одной тональности, вызывая резонанс друг в друге <...> Нет, ветер, парус и синева не перестали радовать, не ушли на задний план. Они вплетались в разговор, делались частью загадки, о которой говорили <...> А струны – те самые – ощутимо звенели в тонких тросах штагов и вант, отзывались в гулком, будто виолончелью корпусе «Норда» [4, С. 220]. Герои конвергентного сознания (в метафорическом определении В. Крапивина – «те, кто видит фонарик»), способны «правильно ощутить проблему резонанса со струнами в хронополе, вывести формулу чистой энергии времени, обладают абсолютно нестандартным мышлением, когда речь идет о восприятии мировых констант» [4, С. 235]. Тетрадь с зашифрованными открытием погибшего профессора Медведева оказывается у детдомовского мальчика-поэта, который «прошивает» своими стихами записи ученого. Главный тайный иероглиф, обозначающий формулу смысла чистой энергии – кораблик, а над ним маленький парус, вроде острого крылышка» [4, С. 270]. Для конвергентного сознания характерна панкогерентность – связанность всего со всем.

Для конвергентного сознания нет когнитивного диссонанса при совмещении казалось бы разнородных и разноуровневых фактов, сложно легитимизируемых в строгом научном дискурсе логики. В повести «Облачный полк» Э. Веркина картина одного из персонажей, художника-визионера Чистякова, стала ключевым образом повести и определила ее заглавие. «Эпизод встречи главного героя с художником, магическим реалистом, провидящем в подростке, в историческом времени – пионера-героя, в литургическом – рядового бессмертного воинства защитников отечества, становится ключевым, восстанавливающим родовую память и связь времен русских воинов всех «фронтов» – от древних витязей, Сергия Радонежского, Михаила Илларионовича Кутузова до Юрия Гагарина. Идея сакрализации героев в картине «Облачный полк», сопоставляя бытовое, земное бытийному, горнему, создает высокий стиль, становясь сюжетно-композиционной основой повествования» [7, С. 132]. Ценностная вертикаль, определяющая единство национальной аксиологии в сознании художника, соединяет историческое время древней Руси, Российской империи и Советского Союза, конвергируя духовные постулаты в ядро русской цивилизационной идентичности.

На сюжетном уровне диалогические ценности «ты»-сознания определяют нормы поведения человека в мире, его представление о наиболее правильном способе участия в тех или иных событиях и совершаемых поступках. Основным критерием правильности поступков становится любовь как образ существования личности, проявляющаяся ко всем, кто задействован в событиях. На ценностном уровне герой конвергентного сознания взаимодействует со своей совестью, производит внутреннюю работу, делая, оставаясь неуязвимым для ловушек психоэмоционального уровня (страстей) или ментального (вирусные идеи). Это герои совести, где совесть – «совместная весть», сопрягающее

знание человека и абсолюта в режиме истины. В связи с тем, что «наиболее древним феноменом культуры конвергентного сознания явилось учение Иисуса Христа» [8, С. 19], отметим, что Христос в Гефсиманском саду одинок, но только «внутри» земного сюжета страдания и жертвы. В сакральном же измерении неделимости и неслиянности об одиночестве речь не идет: в минуту отчаяния звучит обращение, взыскание «ты»-сознания – моление о Чаше. Поэтому и герои конвергентного сознания никогда полностью не одиноки: трансцендеры подростковой прозы наследуют ценности праведников Н. Лескова и Ф. Достоевского. И те, и другие в своем архитипическом генезисе содержат семантический «код» Христа.

Свобода для носителей диалогического сознания понята как свобода, в первую очередь, для творчества. Но творчества понята «этически»: не все люди одарены творческим даром в искусстве или науке, но каждый человек может достигнуть этической гениальности – именно этика, а не эстетика лежит в основе религии, именно поэтому в Евангелии Христос так много говорит о том, как относиться к ближнему своему, и ничего о стихосложении и математике [3, С. 308-309].

На эмоционально-психическом уровне для диалогического сознания характерно интуитивное «трезвение», обуславливающее видение за эмоциями и аффектами их смыслового источника. Если это чужие эмоции, исходящие от враждебно настроенного человека, до диалогическая установка призывает к снисхождению и состраданию к этому человеку. Доминантная реакция в общении – психоэмоциональный отклик. Внутренняя чистота, подключенность к ноосфере, делает возможным через обладателя диалогического сознания интуитивно транслировать поток эмоций, который соиздательно воздействует на наблюдателя. «Крапивинские мальчишки» реагируют на лучшее в человеке, вступают в резонанс с сущностной аурой собеседника, Другого. Такой способ коммуникации пресекает лживое, шаблонное и запускает сборку диалога в режиме истины. Такие герои воспринимаются как посланники судьбы, проводники высших ценностей. Через таких героев абстрактные идеалы становятся проявленной ценностью – сквозь личность такого героя – и выражаются в поступке, воплощаются в формах жизни.

В связи с тем, что конвергентное сознание включает в себя все модусы ментальных состояний в «снятом» виде, «оптика» иных типов ментальностей – роевой, авторитарной, дивергентной – внятна носителю диалогического сознания. Так, мифологические проявления «ты»-сознания вписывают его носителя в традицию природной естественной жизни, которая исповедует некий духовный аскетизм, предпочитая бытие – рефлексии над бытием, реальность – слову (авторскому метаслову), единение с миром – анализу, расчленению, дроблению мира.

Ощущение единства мира для главных героев романа «Дом, в котором...» осознается как первоисточник бытия. Друзья из «Четвертой» воспринимают мироздание как осмысленное пространство, ощущают многообразные явления мира прежде всего как явления смысловые, в основе которых – решение этической задачи на любовь. В мире героев «Четвертой» «случайности не случайны». «Просто так» для Слепого, Сфинкса, Табаки ничего не бывает и быть не может. Все наполнено глубоким и многозначным смыслом: именно на глубинном онтологическом уровне расщепленный мир оказывается цельным, именно на этом уровне отторгнутые друг от друга по внешним, рационалистическим признакам явления бытия оказываются едиными, нераздельными, говорят об одном и том же. Для героев романа естественно выявлять затушеванные рациональной мыслью связи между элементами бытия. Поскольку роман «Дом, в котором...» реалистический в «достоевском», «высшем смысле этого слова», его главные герои – «пневматики». Иррационализм мировидения друзей возводит все многообразие сущего к некоей пронизывающей весь мир и скрепляющей его праоснове. Дружеское внимание в мирозерцании подростков приобретает черты некоей фундаментальной категории, «экзистенциала» единения, рефлектирующего уникальный опыт личности, усилия индивида по созданию «жизненного мира» [2, С. 65] и образующего товарищество и братство. Доминируя над индивидуальным, но не растворяя его, именно дружба соединяет в единое целое личность каждого из главных героев романа. Способ проживания и бытия от первого лица для обладателей конвергентного сознания мыслится как «бытие-с-другими-людьми, т.е. со-бытие» [2, С. 66].

Герои конвергентного сознания восходят на совершенно особую нравственную высоту проживания и переживания реальности, высоту очищенную от эгоистической самости. Речь идет о ценностной высоте конкретных движений души героя: диалогизм сознания проявляется в понимании себя через другого. Аксиологическая суть каждого из упоминаемых произведений – преодоление небратского состояния: жизнь героев, выстраивающих свое бытие как спасение своих друзей, спасение через Другого. Сказанное авторами текстов становится реальностью «в высшем смысле этого слова» – не реальной действительностью, но реальностью нравственной действительности. Обладатели диалогического сознания воспринимают любые формы расчленения сущего, любые формы отрыва одних элементов бытия от других – индивидуацию, специализацию, как проявление глубинной кризисной ситуации. Диалогическое сознание про-тивопоставляет расчлененности бытия некую принципиально иную целостность.

Так, авторы творят биографию души подростка, его онтологию, его одухотворенность. Для героя, обладающего конвергентным сознанием, жизнь – единый процесс, который требует осмысления целиком, со всеми противоречиями, но непременно как общее движение к Богу. Концентрация любовного внимания к ближнему и к миру (для уединенного сознания характерно такое максимальное «разрешение» внимательного взгляда к себе, своему «я»). В отличие от ролевых вожаков авторитарного сознания, диалогическое сознание выстраивает пероналистические отношения с миром. Это позволяет сделать высокая концентрация любви (так Слепой принимает участие в простройке образа будущего, индивидуальной судьбы каждого друга). Такая реализация соборного принципа нераздельности и неслиянности в человеческом измерении: так все опции других типов сознаний (от роевой нераздельности через авторитарную ролевую иерархию и дивергентную неслиянность) складываются в конвергентное миропонимание сознаний.

Заключение

Обладатели конвергентного сознания – творцы подлинного бытия, в терминологии синергийной антропологии, «личного бытия-общения», того горизонта бытия, который имеет своим стержнем личное общение с

Богом/Абсолютом/Вселенной. Этическое творчество для героя конвергентного сознания – всегда с предлогом «со»: сотворчество, соприкосновение, сопричастность, соединение, созвучие, соработничество, содружество, соборность, сорадование.

На уровне сюжета избранных текстов В. Крапивина, М. Петросян и Э Веркина – перед читателем изображение жизни подростков в проблемной ситуации неизбежного выбора («Дом, в котором...»), войны («Облачный полк»), борьбы за выживание морской парусной школы («Рыжее знамя упрямства»). Дидактический, моральный смысл этих произведений – в товарищеской соборности и способах преодоления небратского состояния. Метафизический смысл – единение с замыслом и промыслом Божиим через любую мелочь живого бытия, обретение себя истинного через Другого.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бурханов Р.А. Концепция экзистенциалов в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. / Р.А. Бурханов, О.В. Никулина // Манускрипт. — 2018. — 5 (91). — с. 65-68. — DOI: 10.30853/manuscript.2018-5.14
2. Гаспарян Д.Э. Теория «диалогического я» и рецепция идей М. Бахтина в западных теориях сознания. / Д.Э. Гаспарян // Наука. Искусство. Культура. — 2021. — 3 (31). — с. 30-48.
3. Гиренок Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности / Ф.И. Гиренок — М.: Аграф, 1998. — 416 с.
4. Крапивин В.П. Рыжее знамя упрямства / В.П. Крапивин. — М.: Издательский дом Мещерякова, 2016. — 400 с.
5. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу — М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. — 496 с.
6. Миннуллин О.Р. Введение в ценностно-онтологический подход к литературе: структура проблемного поля. / О.Р. Миннуллин // Новый филологический вестник. — 2022. — 1 (60). — с. 18-29. — DOI: 10.54770/20729316-2022-1-18
7. Свитенко Н.В. Экфрасис и его функции в повести Э. Веркина: «Облачный полк». / Н.В. Свитенко // Культура и текст. — 2022. — 4 (51). — с. 132-139. — DOI: 10.37386/2305-4077-2022-4-132-139
8. Тюпа В.И. Модусы сознания и школа коммуникативной дидактики. / В.И. Тюпа // Дискурс. — 1996. — 1. — с. 17-22.
9. Тюпа В.И. Парадоксы уединенного сознания – ключ к русской классической литературе / В.И. Тюпа // Парадоксы русской литературы. — СПб: ИНАПРЕСС, 2001. — 352 с.
10. Тюпа В.И. Литература и ментальность / В.И. Тюпа — М.: Юрайт, 2018. — 231 с.
11. Филатов А.В. Аксиологический подход в трудах В. Е. Хализева: ценностные ориентации в литературе и науке о ней. / А.В. Филатов // Новый филологический вестник. — 2018. — 2 (45). — с. 16-26. — DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00011
12. Хоружий С.С. Социум и синергия: колонизация интерфейса / С.С. Хоружий. — Казань: Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева, 2016. — 452 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Burxanov R.A. Konceptiya e'kzistencialov v fundamental'noj ontologii Martina Xajdeggera [The Concept of Existentials in Martin Heidegger's Fundamental Ontology]. / R.A. Burxanov, O.V. Nikulina // Manuskript [Manuscript]. — 2018. — 5 (91). — p. 65-68. — DOI: 10.30853/manuscript.2018-5.14 [in Russian]
2. Gasparyan D.E'. Teoriya «dialogicheskogo ya» i recepciya idej M. Baxtina v zapadny'x teoriyax soznaniya [The Theory of the 'Dialogical Self' and the Reception of M. Bakhtin's Ideas in Western Theories of Consciousness]. / D.E'. Gasparyan // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura [Science. Art. Culture]. — 2021. — 3 (31). — p. 30-48. [in Russian]
3. Girenok F.I. Patologiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti [Pathology of the Russian Mind. Cartography of Literalness] / F.I. Girenok — M.: Agraf, 1998. — 416 p. [in Russian]
4. Krapivin V.P. Rizhee znamya upryamstva [Ryzhee znamya upryamstva [The Red Banner of Stubbornness] / V.P. Krapivin. — M.: Meshcheryakov Publishing House, 2016. — 400 p. [in Russian]
5. Maslou A. Novy'e rubezhi chelovecheskoj prirody' [New Frontiers of Human Nature] / A. Maslou — M.: Smy'sl: Al'pina non-fikshn, 2011. — 496 p. [in Russian]
6. Minnullin O.R. Vvedenie v cennostno-ontologicheskij podxod k literature: struktura problemnogo polya [Introduction to the Value-Ontology Approach to Literature: Structure of the Problem Field]. / O.R. Minnullin // Novy'j filologicheskij vestnik [New Philological Bulletin]. — 2022. — 1 (60). — p. 18-29. — DOI: 10.54770/20729316-2022-1-18 [in Russian]
7. Svitenco N.V. E'kfrasis i ego funkcii v povesti E'. Verkina: «Oblachny'j polk» [Ephrasis and Its Function in the Story of E. Verkin: "The Cloudy Regiment"]. / N.V. Svitenco // Kul'tura i tekst [Culture and Text]. — 2022. — 4 (51). — p. 132-139. — DOI: 10.37386/2305-4077-2022-4-132-139 [in Russian]
8. Tyupa V.I. Modusy' soznaniya i shkola kommunikativnoj didaktiki [Modules of Consciousness and the School of Communicative Didactics]. / V.I. Tyupa // Diskurs [Discourse]. — 1996. — 1. — p. 17-22. [in Russian]

9. Tyupa V.I. Paradoksi uedinennogo soznaniya – klyuch k russkoi klassicheskoj literature [The Paradoxes of Solitary Consciousness - the Key to Russian Classical Literature] / V.I. Tyupa // Paradoksi russkoi literaturi: Sbornik statej [The Paradoxes of Russian Literature: A Collection of Articles]. — SPb: INAPRESS, 2001. — 352 p. [in Russian]
10. Tyupa V.I. Literatura i mental'nost' [Literature and Mentality] / V.I. Tyupa — M.: Yurajt, 2018. — 231 p. [in Russian]
11. Filatov A.V. Aksiologicheskij podxod v trudax V. E. Xalizeva: cennostny'e orientacii v literature i nauke o nej [The Axiological Approach in the Works of V. E. Khalizyov: Value orientations in Literature and Literary Science]. / A.V. Filatov // Novy'j filologicheskij vestnik [New Philological Bulletin]. — 2018. — 2 (45). — p. 16-26. — DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00011 [in Russian]
12. Khoruzhii S.S. Sotsium i sinergiya: kolonizatsiya interfeisa [Society and Synergy: Colonising the Interface] / S.S. Khoruzhii. — Kazan: Kazan Innovation University. V. G. Timiryasova, 2016. — 452 p. [in Russian]